

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Государство - главный пропагандист насилия

Людмила АЛЕКСЕЕВА, председатель Московской Хельсинкской группы

Сразу хотелось бы сказать, что главный пропагандист насилия (путем его постоянного использования) - это наши исполнительные власти, на всех уровнях, начиная с федерального и заканчивая местными. Не будем иллюстрировать это примерами советского времени, которое уже ушло: святая вера в насилие как средство решения всех проблем была присуща руководителям с самого начала установления советского строя в нашей стране и до самого конца. Как решались самые острые проблемы, которые возникали у нас в стране, в постсоветское время? Например, ситуация с созданием ГКЧП в августе 1991 года. Это была попытка насилием воздействовать на происходящие в стране изменения. И это, пожалуй, единственный случай, когда массовое сопротивление граждан помешало осуществлению насилия.

Расстрел Белого дома в октябре 1993 года - это ответ насилием на насилие. Вероятно, тогда это все-таки было неизбежно, и другого способа решить тогдашнюю проблему не было. Но все равно, поскольку она была решена насильственным способом, это очень далеко отбросило нас назад в развитии демократии в стране. Тогда вместе с Верховным Советом, вставшим на путь насилия, были распущены все Советы - и региональные, и местные, а это были Советы, выбранные в период гражданского подъема в нашей стране, и в этих Советах на всех уровнях было много людей, которые пришли во власть не потому, что имели деньги или административный ресурс, а потому, что они были действительно представителями тех, кто их выбирал. Этой роскоши мы с каждым выбором лишаемся все больше. Сейчас я не могу себе представить человека, который оказался в любом Законодательном собрании без поддержки какого-нибудь денежного мешка или администрации. И поэтому насильственное решение вопроса в октябре 1993 года нам тоже ничего хорошего не дало.

Еще более яркий пример - попытка федеральных властей силой разрешить самый сложный конфликт в Чечне. Власти, введя войска в Чечню, хотели быстренько - путем введения танков в Грозный - разрешить и проблему взаимоотношений между национальностями в одном из субъектов Федерации, и вообще проблему отношений федерального центра и субъекта Федерации. Первая Чеченская война началась не только для того, чтобы усмирить Чечню, а еще и для острастки Татарстану, Башкортостану и так далее. И что получилось в результате? Решили мы проблему? Ничего подобного. Мы ее усугубили. Уже почти десять лет идет война в Чечне. Сколько полегло народу - никто не считал. Официальные цифры всегда занижены, если считают потери среди военных. Средствам массовой информации перекрыли дорогу в Чечню, и цифры называются с потолка, на самом деле потери гораздо больше. Но хотя бы какие-то цифры называются, если речь идет о военных. А сколько погибло мирных жителей - этого никто не потрудился сосчитать. А погибло их гораздо больше, чем военных - при зачистках, при бомбежках, от рук бандитов...

Проблемы, которые должны были решить, введя войска в Чечню, не только не решили, но создали такую ситуацию, что, похоже, решение этих проблем у нас растянется на жизнь двух-трех поколений.

Про "Норд-Ост" говорят, что операция проведена прекрасно. За нее награды дали и никого не наказали, хотя 150 человек погибли. Для нормального государства - это позор, силовики должны были бы подать в отставку. Так почему их не наказали, а

наградили? Потому что с самого начала была очевидная установка не на спасение заложников, а на уничтожение террористов без потерь со стороны спецназовцев. То есть мы не людей спасали, а военную операцию проводили. А люди... Купили билет, пришли в театр - это их проблема.

Это тоже доказательство того, что наши власти на самом высоком уровне не ставят перед собой цель защищать даже наше основное право - право на жизнь, а рассматривают каждую свою операцию как боевое действие на территории, где, к несчастью для нас, мы живем. И это отношение властей, эта их твердая установка в течение десятилетий, которая несколько не изменилась в постсоветское время, на то, что любую проблему проще всего решить насильем, влияет и на граждан. Они воспринимают ситуацию так же. Они ставят знак равенства между федеральными властями, которые должны нас защищать и оберегать, и теми, от кого нас должны защищать и оберегать, - бандитами, террористами и так далее. Не случайно возникли подозрения, что взрывы домов в Москве и других городах организованы нашими федеральными службами. Это очень часто обсуждается. И никаких доказательств нет, что это могли сделать власти, но если вдуматься - ужасно, что мы это обсуждаем. В нормальном государстве об этом невозможно заподозрить власти в чем-то подобном. А у нас обсуждают - и в интеллигентских компаниях, и у пивного ларька - совершенно спокойно.

Именно от этого отношения властей к насилию как главному механизму решения любой проблемы у граждан возникает чувство постоянной незащищенности. В связи с делом Ходорковского это чувство возникло сейчас и у самых богатых людей, а у рядовых граждан оно присутствует постоянно. И отсюда неистребим среди рядовых граждан культ насилия. Растет число преступлений, связанных с насилием над личностью. В этом отношении в стране происходит нечто страшное. Такие преступления совершают и правоохранительные органы. Примерно каждый третий человек, попадающий в милицию, подвергается насилию - избиениям, а очень многие - и пыткам. Милиция зачастую ничего не доказывает законными методами. Человека переводят из разряда подозреваемых в разряд обвиняемых, выбивая из него признание. Об этом все знают, но пока, несмотря на все действия правозащитников, ничего, чтобы остановить насилие, не делается.

От этого культа насилия, на котором построены все этажи нашей власти и которым заражено население, идут и корни нашего терроризма. Наш президент все время объясняет на международном уровне, что чеченский терроризм - это ветвь международного терроризма. С этим трудно согласиться. Терроризм в Чечне имеет совершенно другие корни. Основная масса организаторов террористических актов в Чечне - это не идейные противники России. Основную массу составляют мстители. Это те люди, у кого погибли семьи - во время бомбежек, обстрелов, зачисток, - у кого разрушено жилье, вся жизнь потеряла смысл. Эти люди стали террористами. Это не то, что было в Америке и на Ближнем Востоке. Это насилие в ответ на насилие. И поскольку насилие продолжается, мы, как уже было сказано, обеспечили себе на два-три поколения нерешаемость чеченской проблемы, потому что у погибших людей растут дети, и даже дети насмотрелись на то, что делают федеральные войска.

Проповедовать толерантность в нашей стране действительно очень важно, несмотря на все реалии нашей жизни, утверждающие торжество насилия. Московская Хельсинкская группа в тридцати регионах создала коалиции, куда входят различные общественные организации - не только правозащитные, но и экологические, социальные и так далее. И одна из общих тем - толерантность в решении национальных и религиозных проблем. Но если правозащитники понимают, зачем нужна толерантность, то за пределами правозащитной среды все гораздо хуже. Сначала мы говорили даже не о толерантности, а о вреде ксенофобии. И слышали в

ответ: "Если мы начнем об этом говорить, нас не поймут", "Мы не сможем", - и так далее. Наконец, сторговались на толерантности. И когда мы занимаемся проблемой толерантности, у меня иногда возникает такое чувство, что мы пытаемся вычерпать море дырявой ложкой. КПД наших действий невероятно низок. И трудно не согласиться с тем, что наши средства массовой информации прикладывают руку к попыткам решить насилием национальные и религиозные проблемы. Но что возьмешь с журналистов? Они такие же члены общества, как и все остальные. Правда, то же самое можно сказать и о чиновниках, и о представителях власти - с точки зрения своих представлений о жизни они вряд ли опережают рядовых граждан. Это очень мрачная картина. И все-таки, есть надежда, что в какой-то момент чувство самосохранения возобладает в обществе. Потому что если культ насилия, пронизывающий власти и общество, будет по-прежнему торжествовать и осуществляться в повседневных действиях, то страна развалится, поскольку это чаще всего насилие в отношениях между национальностями, а мы государство многонациональное. Силой никого не удержишь. Страна развалится, если ведущая нация не научится толерантно относиться к остальным. Правда, неизвестно, победит ли нашу агрессивность желание сохранить единое государство, но все-таки возможно, что в какой-то момент - на генетическом уровне - чувство самосохранения сработает. Надежда только на это. И проповедь толерантности в какой-то мере этому будет способствовать.